

УДК 398.95

**ПРОЗВИЩЕ КАК ВИД ЛИЧНОСТНОГО ИДЕНТИФИКАТОРА
(НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ РУССКИХ
ГОРНОЗАВОДСКИХ СЕЛ ЮЖНОГО УРАЛА)**

Лосеева Ирина Владимировна

канд. истор. наук

Магнитогорский государственный технический университет
им. Г.И. Носова, Магнитогорск

author@apriori-journal.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка описания, систематизации и анализа бытующих в современных русских горнозаводских селах Южного Урала прозвищ. На основе полевых записей фольклорно-этнографических экспедиций собранный материал рассматривается как вид личностного идентификатора, анализируется в историко-этнографическом ключе, характеризуется его этнографическая значимость.

Ключевые слова: прозвище; идентификация; прозвищное самосознание; микроэтноним; категории-характеристики; горнозаводское население; Южный Урал.

NICKNAME AS TYPE OF THE PERSONAL IDENTIFIER (ON THE MATERIAL OF NAMES OF THE RUSSIAN MINING VILLAGES OF SOUTH URAL)

Loseeva Irina Vladimirovna

candidate of historical sciences

Magnitogorsk State Technical University. G.I. Nosova, Magnitogorsk

Abstract. The article attempts to describe, systematization and analysis of the phenomena in Russian factory towns of the South Urals nicknames. Based on field recordings of the folklore-ethnographic expeditions collected material is treated as a kind of personal identity, is examined in historical and ethnographic perspective, is characterized by its ethnographic significance.

Key words: nickname; identification; nickname consciousness; mikroetnony; categories characteristics; mining population; South Ural.

Территория современных русских поселений Белорецкого района Башкортостана со второй половины XVIII в. исторически сложилась как зона, где формирование состава населения происходило достаточно сложно и неоднозначно: это было связано с процессами становления в регионе металлургического промышленного производства и столкновения здесь разновременных потоков колонизации. Подобные исторические, этносоциальные, этноконфессиональные условия не могли не отразиться в системе местных географических названий, а также в характерных наименованиях коллектива людей и конкретных лиц.

Проблемы идентификации населения русских горнозаводских сел Южного Урала неоднократно рассматривались автором настоящей статьи в более ранних публикациях [1-2]. Очень важным, на наш взгляд,

идентификатором личности в неофициальной сфере общения, особенно в сельской среде, в рамках сравнительно замкнутого коллектива и специфической социальной общности, являются прозвища. В лингвистике они характеризуются как «слова, даваемые людям в разные периоды их жизни по тому или иному свойству или качеству этих людей, и под которыми они известны в обычно определенном, часто довольно замкнутом кругу общества» [3].

В ходе многолетних полевых исследований и самостоятельных авторских наблюдений в русских селениях Белорецкого района было отмечено активное бытование узколокальных наименований жителей, выполняющих номинативную и характеризующую функции. Анализ характера употребления прозвищ в селах показал, что последние несут в себе социально-различительную функцию-характеристику: являются своеобразным способом оценки конкретного человека, специфическим показателем отношений между членами одного коллектива, села.

На наш взгляд, подобного рода названия человека или группы лиц заслуживают внимания и толкования не только с лингвистической стороны – их необходимо рассматривать и изучать и с историко-этнографической точки зрения. «Понимающее прочтение» [4] зашифрованной в прозвищах информации дает возможность увидеть «изнутри» жизнь, быт и окружение человека, характер отношений в обществе, коллективе, селе.

В статье предпринята попытка выявления, описания, систематизации и анализа существующих и активно бытующих в настоящее время в конкретном регионе прозвищ. На основе данных полевых записей и многолетних наблюдений автора собранный ономастический материал анализируется в историко-этнографическом аспекте, характеризуется активностью его бытования и этнографическая значимость.

Временные границы исследования охватывают двадцатилетний период – записи прозвищ осуществлялись сотрудниками Лаборатории

народной культуры Магнитогорского государственного университета¹ в ходе одной из первых экспедиций в регион в 1991 г., а также автором данной статьи с конца 90-х гг. XX в. по 2011 гг. включительно.

По сфере употребления будем говорить о трех группах прозвищ: коллективно-территориальные, лично-индивидуальные и социально-групповые.

Коллективно-территориальные прозвища – это специфические местные названия жителей соседних поселений, выполняющие характеризующую функцию. Такие названия распространяются только в пределах единого района и могут быть проанализированы исключительно в контексте группы рассматриваемых сел. Старожилы русских селений Белорецкого района отмечают существование внутри каждого из них специфических наименований жителями одного населенного пункта жителей другого. В настоящее время такие микроэтнонимы можно услышать в основном из уст очень пожилых людей – скрытая в них уникального рода историческая информация позволяет восстановить события далеко минувших лет.

Так, со слов информантов известно, что верхнеавзянских в округе звали «мякинники», «соколы», нижеавзянских – «долгополые», «мулюки», «киргизы», кагинских – «кулажники»: «Кагинские авзянских раньше «соколами» звали, вроде не оцень как-то хорошо ето... А вот кагинских «кулажниками» называли, потому что у голодной год кулагу варили они и ели. Кулага – это каша такая была из аржаной муки. Авзянских мы «мякинниками» звали, наверно потому что они мякину ели, ну что-то вроде отрубей. А вот нижненских авзянских звали «киргизы», «долгопо-

---

¹ ФБГОУ ВПО «Магнитогорский государственный университет» с 14.02.2014 г. вошел в состав ФБГОУ ВПО «Магнитогорский государственный университет им. Г.И. Носова».

лые» – такими они ходили раньше, одетые были навроде в рясу...» (Абакумова А.Н., 1925 г.р., Кага)².

Полевые материалы подтверждают, что в народных представлениях прочно утвердилась традиция связывать начало южноуральских сел с появлением в регионе ссыльных, каторжных, старообрядцев-раскольников. История возникновения старообрядчества в русских горных селах Белорецкого района практически не изучена, однако материалы экспедиционных исследований ЛНК ИТЦ МГТУ им. Г.И. Носова дают богатую информацию о проживании здесь староверов, об их быте, особенностях проведения обрядов, взаимоотношениях старой веры и новой.

Локальные наименования, отражающие особенности взаимовосприятия жителей в рамках одного района, бытуют в обозначенных селениях до настоящего времени: «Жителей Верхнего Авзяна называют «долгополые», жителей Нижнего Авзяна – «киргизы», Каги – «кулажники». В Тирляне колдунов много, хмурные они там. Ломовка – богомольные усе. Отлищались от нас» (Слепова А.Ф., 1918 г.р., Слепов Д.А., 1926 г.р., В. Авзян). Подобные микроэнонимы являются характерными территориальными обозначениями, которые зафиксировали на века уникально рода историко-этнографические, конфессиональные, социально-экономические, культурные особенности и процессы, происходившие на обозначенной территории в далеком прошлом. Такие обозначения «маркеры» несут огромный пласт не до конца расшифрованной информации и потому представляют несомненный интерес для дальнейшего изучения.

Лично-индивидуальные прозвища – наименованиями, данные одному конкретному лицу другими лицами или группой лиц по какому-либо

---

² В статье использованы полевые материалы из архива Лаборатории народной культуры Инновационно-технологического центра ФГБОУ ВПО «МГТУ им. Г.И. Носова» (далее ЛНК ИТЦ МГТУ), собранные в ходе экспедиционных исследований в русские села Белорецкого района Башкортостана с 1991 г., а также собственные авторские записи. Специфика устной речи сохранена. Статистические материалы по селу Кага Белорецкого района взяты из домовых книг сельского совета.

характерному признаку, свойству этого лица, либо событию, связанному с последним. Не преследуя цели разобраться в теоретических вопросах ономастики, а конкретно, классификаций прозвищ одного лица, мы максимально упростили подобную схему, выделив в основу четыре категории-характеристики: внешние признаки человека, специфика поведения, манера общения, особенности речи, интеллект; фамилия, имя, отчество родителей, близких родственников (производные от имени носителя прозвища); социальное положение человека, характерные занятия, увлечения, место службы; животные, птицы, насекомые, рыбы, пресмыкающиеся, явления природы, времена года. Подобная схема позволила систематизировать зафиксированные в селах прозвища и прояснить происхождение большинства из них.

В этнографическом отношении наибольший интерес и значимость имеют прозвища, принадлежащие указанной выше третьей категории-характеристике. Заметим, что такие наименования являются самыми старыми по времени их возникновения и подобных прозвищ единицы.

Как было отмечено автором в опубликованных ранее материалах [5], с к. XIX в. в изучаемом регионе происходит кризис заводского производства и на местах бывших металлообрабатывающих предприятий начинают постепенно зарождаться кустарно-сельскохозяйственные поселения. Результатом разделения труда явилось появление в регионе шерстобитных, пимокатных мастерских, а также кузнецов, сапожников, мастеров по выделке кожи. В селах Авзян и Кага Белорецкого района были развиты шерстобитный, кожевенный, бондарный промыслы, а также существовали валяльные индивидуальные предприятия по изготовлению валенок, ремонту обуви. Эту информацию подтверждают такие прозвища, как Башмак, Бондарь, Карщик, Кузнец, Пим, Пчельник, Пчеловод и др.

Согласно полевым записям, в XX в. в селе Кага функционировали пимокатные и сапожные мастерские. Известный мастер по изготовлению

валенок Пим, он же Сергулей (Иван Сергеевич Сорокин, 1927 г.р.) всю жизнь занимался данным ремеслом. На сегодняшний день его мастерская практически не работает, однако дело отца продолжает сын Ивана Сергеевича, известный в народе как Лёнька Сергулей. Со слов родственников мастера, свое прозвище Иван Сергеевич получил от слова «пимы» – это укороченные валенки из шерсти: «Дак пимы он катал, коротенькия такая валеношки. Ну так вот поетому и Пимом звали Ваньку Сергулея. Навроде и отца его также звали. А щас вот Леньку Сергулеем зовуть, а про Пима уж забудуть скоро наверно, про клищку я имею в виду» (Желнина Л.И., 1938 г.р., Кага).

Не менее известный в Каге мастер сапожных дел Карщик (Василий Александрович Желнин, 1934 г.р.) также имел при жизни собственную мастерскую, которая со временем приобрела множество различных направлений – от ремонта обуви, в том числе валенок, до изготовления железных и металлических изделий домашнего обихода, труб, заслонок, деревянных лопат. Со слов сестры и жены Василия Александровича, прозвище Карщик глава семьи получил от своего отца, который занимался заготовкой и извозом дров: «Отец мой дрова возил на себе, вот про него так и говорили: «Вон, Карько едутъ». Потом и стали нас звать – Карьки, Каревы, Карщики. По работе так назвали. На обзывания эти не обижались, так оно и идет – и детям, и внукам передается» (Гнедкова Е.А., 1934 г.р., Кага).

Социально-групповые (родовые) прозвища представлены в селе, на наш взгляд, в качестве так называемых «улошных» фамилий. Согласно полевым исследованиям, каждая семья села в прошлом имела две фамилии: официальная, зафиксированная в паспорте и других официальных документах, и «улошная», неофициальная фамилия, которую конкретный человек и его семья получали в течение жизни и были известны под такой фамилией только в пределах конкретной местности: «По две фамилии носили раньше. До сих пор которые сохрани-

лись: Михайлова – по-улошному Рогова, Артемьевы – Репейкины, Логиновы – Логуткины. У репье раз вышел кто-то из них, вот и дали фамилию вторую» (Андриянова А.С., 1930 г.р., Кага).

Как поясняют старожилы, «улошные» фамилии имели сугубо узкое локальное распространение. В рамках селения они постепенно обретали статус основной фамилии человека, поскольку в неофициальной сфере общения местные жители использовали только второй (неофициальный) ее вариант: «Улошные фамилии давали всем раньше, но никогда не обижались. Желнин – Селезнев по-улошному, Пиндюрин – Башмащенок... Пиндюрин (улошная фамилия Башмащенок) работал у Авзяне на золотых приисках. Тогда за эту работу деньги получали по списку у конторе. Ну вот у его и спрашивают: «Фамилия? Как твоя фамилия?» А он и не знет, что сказать, ведь у него тоже две фамилии было. Он и спрашивает: «Бабы, скажитя, щей я?» Они ему: «Пиндюрин!» А он и забыл свою истинную фамилию, которой пользовались так редко. Одна фамилия была улошная, другая – законная» (Сухова Т.В., 1925 г.р., Исакин Ф.А., 1931 г.р.).

В ходе общения с информантами удалось проследить, что бытование «улошных» фамилий и прозвищ в селах региона имеет как негативный, так и позитивный характер. Связано это, как правило, с характером межличностных отношений в коллективе, с ситуацией самого названия, а также может определяться уровнем образованности людей, их личностными и профессиональными характеристиками.

Таким образом, анализ работы над прозвищами в конкретной местности позволил сделать следующие выводы. Прозвища являются вторым именем человека, потому их происхождение всегда мотивировано. В отличие от имен, прозвища прямо и непосредственно характеризуют человека, передают его образные и эмоциональные переживания, однако в отличие от имен, отчеств и фамилий, они не относятся к официаль-

ной сфере употребления и является в связи с этим неформальными, личностными.

Очевидно, что в южноуральских селах прозвища возникли из потребностей быта и отражают его историко-этнографические особенности. Поэтому за конкретным прозвищем всегда стоят легко читаемые реальные исторические, этнографические и территориальные характеристики: в подобных названиях фиксируется информация о внешности, социальном положении, занятиях человека, его бытовом окружении, взаимоотношениях с другими членами коллектива и т.д.

Социальность прозвищ традиционна, но она определяется изменениями внутри социума. Получая прозвище, человек как бы обретает тем самым средство постижения собственной качественной определенности в окружающей действительности. Это своего рода культурные универсалии, которые отражают быт народа, его обычаи, особенности культуры, традиции, верования, представления, идеалы. Отметим, что некоторые записанные на территории изучаемых сел номинации имеют диалектные черты, закрепляют и отражают таким образом историко-этнографические характеристики местности, жизнь и специфику быта его жителей.

Семантика прозвищ понятна только в рамках узкого коллектива – именно здесь в наибольшей степени ярко и активно реализуется «прозвищное самосознание» [6]; за пределами такого сообщества подобные «метки» перестают существовать и уходит в пассив. Так, полевые исследования показали, что за пределы сел Белорецкого района прозвища коренных жителей не распространяются – они активно бытуют только в рамках местного сообщества, как правило, одного села, и могут быть известны лишь ближайшим родственникам, проживающим вне данной территории.

В настоящее время прозвища в селах изучаемого региона имеют устойчивое локальное распространение, отличаются высокой степенью

социальной активности. Такой уровень бытования наименований, на наш взгляд, поддерживается народной традицией. Доказательством этому служит повторяемость одних и тех же прозвищ в материалах полевых исследований на протяжении более двадцати лет.

Как вид личностного идентификатора, прозвища достаточно часто закрепляются не только за одним коммуникантом, но и за всеми членами семьи: они представляют собой неофициальную визитную карточку человека и его ближайшего окружения. Как своеобразный документ эпохи, прозвища представляют интерес и значимость не только для специалистов в области лингвистики, но и для историков, этнографов, антропологов, социологов.

Список использованных источников

1. Осипова И.В. Устные рассказы горнозаводских сел Белорецкого района Башкирии как историко-этнографический источник // Культура провинции: Матер. междунар. науч.-практ. конф. Курган, 2005. С. 59-60.
2. Лосеева И.В. «Узян, Авзян, Кага – одна кулага». К вопросу о формировании горнозаводского населения в Башкортостане и его идентификации // Прошлое и настоящее этнологических исследований. Сб. науч. стат., посвящ. 300-л. со дня рождения М.В. Ломоносова / отв. ред. А.А. Никишенков. М., 2011. С. 138-146.
3. Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. М., Учпедгиз, 1959. С. 17-18.
4. Гирц К. Интерпретация культур. М., РОССПЭН, 2004. С. 29.
5. Специфика хозяйственной деятельности южноуральского населения в период остановки горнозаводского производства // Проблемы истории, филологии, культуры. М., Магнитогорск, Новосибирск, 2010. Вып. 2 (28). С. 334-342.
6. Ардеева Н.В. Принципы номинации в современных прозвищах лиц // Русская ономастика. Республиканский сборник. Рязань, 1977. С. 84, 80-87.